

Глава I

«ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ» Г. В. ПЛЕХАНОВА В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ 1905—1907 гг.

11 декабря 1904 г., за месяц до начала революции, Г. В. Плеханову исполнилось 48 лет. С фотографий того времени на нас смотрит респектабельный мужчина с высоким лбом интеллектуала, во всем облике которого чувствуются врожденный аристократизм, уверенность в себе, гордый, властный и упрямый характер. И только карие, чуть монгольские глаза уже таят в себе усталость и тоску тяжело больного и в сущности очень одинокого человека, вот уже четверть века оторванного от родной земли.

Позади остались бурная революционная молодость народника-бунтаря, тяжелейшие годы первой швейцарской эмиграции, когда он познал полную меру человеческого страдания и лишений, создание марксистской группы «Освобождение труда», работа в «Искре». В конце 1903 г. в жизни Плеханова происходит третий после его разрыва сначала с народовольцами, а потом и с народниками вообще крутой политический поворот: во имя «мира» в партии он порывает с Лениным, большевиками и идет на принципиальные уступки меньшевикам, заявив, что не в силах «стрелять по своим»¹. Бунт меньшевистской интеллигенции против партийной дисциплины и централизма Плеханов принял тогда за голос всей партии и сдался, уstraшенный перспективой «гражданской войны» в социал-демократических организациях. Очевидно, вначале он и сам недостаточно ясно представлял себе, как далеко заведет его примиренчество по отношению к большевикам: Плеханов еще грозил задушить меньшевиков в своих объятиях, «убить их мягкостью», отделивался шуточками о том, что иногда нужно уступать «скандальным женам»². Однако постепенно становилось ясно, что в основе пово-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 356. О некоторых обстоятельствах отхода Плеханова от большевиков см. также воспоминания П. И. Кулябко: Красная летопись, 1926, № 6, с. 31.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 177; т. 46, с. 321—322; Лалаянц И. Х. У истоков большевизма. — В кн.: Воспоминания о II съезде партии. М., 1934, с. 101, 102; Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 125.

рота Плеханова к меньшевизму лежали не только и даже не столько те или иные его личные качества, сколько идейная близость с меньшевизмом как политическим течением по целому ряду кардинальных вопросов стратегии и тактики рабочего движения. «Вовсе не в том суть, — писал Ленин, — что тов. Плеханов изменил личный состав редакции («Искры». — С. Т.), а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии»³.

То, что разделяло Плеханова и Ленина в «искровский» период, в конечном счете оказалось сильнее того, что связывало их в борьбе за создание революционной марксистской партии в России и позволило выступить единым фронтом на II съезде РСДРП. Отдельные заблуждения и ошибки Плеханова, наметившиеся в 80-х — начале 900-х годов, закономерно подготовили почву для его отхода от революционного марксизма, а острая, кризисная ситуация, возникшая в партии после II съезда, сыграла роль своеобразного катализатора, ускорившего этот в целом закономерный процесс. От «примиренчества» как особой формы центризма Плеханов перешел вскоре к открытой и вполне сознательной защите меньшевизма, и именно с этого незримого рубежа началось его политическое падение.

Разрыв Плеханова с Лениным был встречен в меньшевистском лагере с нескрываемой радостью. «Плеханов пришел к нам с „белым флагом“, — писал Мартов Аксельроду 4 ноября 1903 г., — ... и заявил, что... решился немедленно сделать все уступки, лишь бы избежать открытого раскола... Плеханов предлагает нам вести (вместе с ним!) в «Искре» войну против ЦК»⁴. Начиная с печальной знаменитой статьи «Чего не делать?» (ноябрь 1903 г.), само название которой свидетельствовало о намерении открыто противопоставить себя автору «Что делать?» — Ленину, Плеханов публикует в «новой» «Искре» ряд материалов, в которых делалась попытка возложить всю ответственность за раскол РСДРП на большевиков и поставить под сомнение многие основополагающие ленинские выводы в области теории, в частности трактовку Лениным вопроса о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. Произвольно истолковав ос-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 362.

⁴ Письма Мартова и Аксельрода. Берлин, 1924, с. 96.

новную мысль книги «Что делать?» как проповедь абсолютной «независимости» социалистической теории от движения пролетарских масс, Плеханов обрушился на «идеализм» и «метафизику» Ленина. При этом он дошел до смехотворного утверждения, будто Ленин является скорее «инстинктивным», чем сознательным марксистом, весьма «беззаботным» по части теории⁵. Стараясь хоть как-то объяснить свой оппортунистический поворот, Плеханов писал, будто заметил «ошибки» еще при чтении рукописи «Что делать?», но оставил их без публичных возражений, уступая мнению других членов редакции «Искры», обвинявших его в излишней «строгости» по отношению к Ленину⁶. Однако эта версия о «добром», «снисходительном» Плеханове совсем не вяжется с весьма агрессивной, задиристой позицией, которую он занимал при обсуждении в редакции «Искры» других ленинских работ — «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрная программа русской социал-демократии», а также проекта программы партии. Не объясняла она и выступления Плеханова на II съезде РСДРП, в котором он защищал основные положения ленинской книги от нападок оппортунистов Акимова и Мартынова⁷. Более того, эти надуманные аргументы лишь усугубляли неприглядность того положения, в котором очутился «новый» Плеханов, единолично кооптировавший в состав редакции «Искры» трех ее бывших редакторов — Аксельрода, Засулич и Потресова и поставивший Совет партии, председателем которого он являлся, на службу меньшевизму⁸.

Между тем положение Плеханова в меньшевистской «Искре» было довольно сложным, так как ему постоянно приходилось вступать в открытые конфликты с более молодыми редакторами и сотрудниками — Мартовым, Пот-

ресовым, Даном и Троцким. Недаром Ленин писал в начале января 1904 г., что Плеханов «вовсе затерт мартовцами и прямо говорит, что они его не слушают (да это и так ясно видно из „Искры“)»⁹.

Одно из первых столкновений в редакции меньшевистской «Искры» произошло уже в декабре 1903 г., когда Плеханов попытался доказать нецелесообразность публикации протоколов II съезда «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» и той части протоколов II съезда РСДРП, которая касалась выборов центральных партийных учреждений¹⁰. Прошло всего три месяца, и разразился настоящий редакционный кризис из-за публикации в марте 1904 г. статьи Троцкого «Военная кампания „Искры“», причем на этот раз Плеханов даже подал 4 апреля официальное заявление об отставке с поста редактора¹¹.

В своей статье Троцкий безосновательно упрекал ЦК РСДРП и большевистские комитеты в том, что они взяли в антивоенных листовках слишком резкий «антибуржуазный» тон, тогда как на самом деле русская буржуазия якобы не имела к дальневосточной авантюре царизма никакого отношения и была настроена против войны. Троцкий даже договаривался до того, что пролетариат и либералы «одинаково» (?) осудят войну с Японией, и назвал большевистские лозунги «мертвящим паблоном»¹². Что касается Плеханова, то он, напротив, не отделял внешнюю политику самодержавия от интересов российской буржуазии, не признавал пацифистского лозунга мира, сторонником которого был Троцкий, и выступал за поражение царизма в несправедливой, антинародной войне как «меньшее зло»¹³. Разумеется, по фракционным

⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 135—140, 274, 279.

⁶ Там же, с. 135.

⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 415—418.

⁸ Позиция Плеханова вызвала резкую критику со стороны большевиков, прямо обвинявших его в политическом «хамелеонстве», «иезуитстве», «тартюфстве» и т. п. (см.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905; В 3-х т. М., 1977, т. 3, с. 21, 94, 272). В напечатанном отдельным листком открытом письме группы большевиков (Н. Э. Баумана, Е. Д. Стасовой, Б. М. Кнунянда и др.) говорилось, что выступление Плеханова против книги «Что делать?» компрометирует всю партию, а его «миротворчество» есть не что иное, как оппортунизм. См. там же, с. 95, 98.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 345; см. также: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. 2, с. 198.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 92, л. 1; ЦГАОР СССР, ф. 102, 1904, д. 2392, л. 62. Плеханов считал, что широкая гласность в подобных вопросах может повредить престижу партии и вызвать недоверие рядовых членов РСДРП к ее руководителям. Однако убедить в этом других редакторов «Искры» он не смог.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 1904, д. 2392, л. 62 об. См. также об этом: Гринько В. А. Борьба партии большевиков против троцкизма накануне и в годы первой русской революции (1903—1907 гг.). Саратов, 1974, с. 54; Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. М., 1975, с. 33—38.

¹² Искра, 1904, 15 (28) марта.

¹³ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 99, 100.

соображениям Плеханов отнюдь не собирался открыто брать под защиту большевиков, но очень характерно, что он с одобрением цитировал в это время документы местных партийных организаций, совершенно однотипные по своему содержанию с теми, которые критиковал Троцкий¹⁴.

Очевидно, что определенную роль в этом конфликте сыграла и откровенная личная неприязнь Плеханова к Троцкому, возникшая еще до II съезда РСДРП¹⁵. Как бы то ни было, самый факт критики Плехановым самоуверенного пустозвонства Троцкого и его необоснованных претензий на роль «теоретика» российской социал-демократии, несомненно, говорил в пользу Плеханова и делал честь первому русскому марксисту.

В разговоре с Мартовым Плеханов заявил, что не может более состоять в редакционной коллегии, систематически пропускающей статьи Троцкого, который «вреден» и «понижает своими писаниями литературный уровень „Искры“». При этом вопрос был поставлен альтернативно: либо Троцкий перестает сотрудничать в «Искре», либо Плеханов выходит из редакции, ибо для него «морально невозможно работать при сотрудничестве Троцкого»¹⁶.

Решительный шаг Плеханова вызвал в меньшевистском лагере явное замешательство. Все хорошо понимали, что уступка Плеханову автоматически означала бы разрыв с Троцким, которым Мартов и другие редакторы «Искры» весьма дорожили. Кроме того, Плеханов, войдя во вкус, мог потребовать новых уступок, и вскоре все члены редакции «Искры» оказались бы в роли простых исполнителей его воли и желаний, что никак не устраивало меньшевиков. С другой стороны, разрыв с Плехановым (к чему склонялся Мартов и некоторые другие меньшевистские руководители) тоже имел свои невыгодные стороны, ибо в этом случае незаконно кооптированные Плехановым в редакцию Потресов, Засулич и Аксельрод потеряли бы «последние признаки легитимности», а большевики получили бы еще один дополнительный аргумент в пользу

¹⁴ Там же, с. 60—64, 78, 79.

¹⁵ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 183. Буржуазные историки без достаточных на то оснований склонны принять версию Троцкого и его биографов, объяснявших эту неприязнь тем, что Плеханов якобы видел в Троцком опасного соперника. См., напр.: *Кеер J. L. H.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 116.

¹⁶ Письма Мартова и Аксельрода, с. 102.

агитации за немедленный созыв нового партийного съезда¹⁷.

Обсуждались меньшевиками и другие варианты: передача «Искры» в полное распоряжение Плеханова, возвращение в «Искру» Ленина и начало издания нового меньшевистского органа и т. д.¹⁸ В конце концов возоблудало мнение, что пойти на разрыв с председателем Совета партии Плехановым значило бы взять на себя ответственность за дальнейшее углубление партийного кризиса, а это в создавшейся тогда ситуации было явно невыгодно для меньшевиков. В результате начались поиски компромисса, который и был найден при содействии Аксельрода: Троцкий перестал временно сотрудничать в «Искре» и уехал в Германию, а Плеханов, аютрез отказавшийся стать единоличным редактором газеты, остался одним из членов редакционной коллегии¹⁹.

Однако урегулирование инцидента с Троцким отнюдь не означало установления в редакции «Искры» прочного мира²⁰. Мартов и другие меньшевистские лидеры ясно

¹⁷ Там же, с. 103; ЦГАОР СССР, ф. 102, 1904, д. 2392, л. 92 об., 93, 63, 63 об. В одном меньшевистском документе прямо говорилось: «Дело выходит дрянн, т. к. выход Плеханова по теперешним временам мог бы только усилить смуту и свести на нет всю агитацию против созыва съезда» (там же, л. 81).

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, 1904, д. 2392, л. 63 об., 92 об.

¹⁹ Там же, л. 64.

²⁰ Как вспоминал бывший агент «Искры» М. А. Сильвин, кооптированный осенью 1904 г. в состав ЦК и регулярно присутствовавший на заседаниях редакции, среди ее членов не было согласия во взглядах по организационно-тактическим и многим политическим вопросам. «Отношение к Плеханову,— писал Сильвин,— у некоторых было не вполне дружелюбное. Дан говорил о нем: «Не свой». Засулич и Аксельрод чувствовали себя между двух огней в разгоравшихся спорах, принимавших иногда резкие формы» (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 82, л. 139—140). В ноябре 1904 г. Плеханов выступил с резким протестом против издания параллельно с «Искрой» популярной рабочей газеты «Социал-демократ», считая эту затею меньшевистского руководства совершенно несвоевременной из-за отсутствия литературных сил и средств. Кроме того, он не одобрял привлечение к сотрудничеству в новом органе Д. Б. Рязанова, Н. И. Иорданского и Л. Д. Троцкого (см. там же, л. 142). При этом Плеханов вновь грозил выходом из состава редакции «Искры». Конфликт закончился тем, что издание «Социал-демократа» было решено передать в руки примиренчески настроенного ЦК РСДРП.

В начале 1905 г. снова возникли трения в связи с планом кооптации в состав редакции «Искры» Ф. И. Дана, который, по мнению Плеханова, писал «скорее как политический ради-

видели всю «ненадежность» своего союза с Плехановым и стали прямо поговаривать о том, что поворот Плеханова к меньшевизму в конце 1903 г. был с его стороны лишь тактическим ходом. Они считали, что в борьбе меньшевиков и большевиков Плеханов «чужой, лишний», что он винит в расколе обе фракции и хочет стать тем центром, вокруг которого будет складываться новая партия, свободная от «односторонности» как большевизма, так и меньшевизма²¹. Меньшевиков все больше раздражало высокомерие Плеханова, его мелочность и придирчивость²², а главное — стремление сохранить полную самостоятельность и нежелание соблюдать фракционную дисциплину.

Довольно своеобразно прореагировал Плеханов и на сочиненный в конце 1904 г. его другом Аксельродом план «земской кампании», подвергнутый сокрушительной критике Лениным²³. Правда, он написал по этому поводу специальное письмо в ЦК РСДРП, заявив, что считает себя обязанным «выступить на защиту той тактики, которую рекомендовала «Искра» ввиду происходящей теперь земской кампании»²⁴. Однако очень характерно, что Плеханов обошел полным молчанием самое одиозное место этого в полном смысле слова «исторического» для меньшевизма документа, где выступления рабочих перед земскими собраниями с целью оживления констигуционного движения в России расценивались как «высший тип» политических демонстраций пролетариата.

Все чаще и чаще «Искра» выходила теперь без статей Г. В. Плеханова²⁵, которого безуспешно пытались заменить новые «звезды» меньшевистской публицистики:

кал, чем как социал-демократ» (там же, л. 143). Сохранились также глухие упоминания о критике Плехановым некоторых статей Потресова за искажение в них идей группы «Освобождение труда». См.: *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 19, с. 91.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 1904, д. 2392, л. 61, 62.

²² *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры». М.; Л., 1926, с. 138 (Захарова-Цедербаум была в 1904 г. техническим секретарем Совета партии и могла близко наблюдать стиль работы Плеханова). См. также: *Горев В. И.* Из партийного прошлого. Л., 1924, с. 34.

²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98.

²⁴ *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 13, с. 169.

²⁵ В меньшевистской «Искре» его статьи были опубликованы в № 52—55, 57, 63, 65—67, 70—71, 75, 78, 82, 87, 93, 96—97, 99, тогда как в период подготовки II съезда РСДРП Плеханов печатался почти в каждом номере газеты.

бывший «экономист» А. С. Мартынов и Ф. И. Дан²⁶. В этой связи следует подчеркнуть, что Плеханов, несомненно, являлся самым крупным теоретиком меньшевистского лагеря. Остальные его идеологи были в лучшем случае лишь более или менее способными публицистами, не обладавшими, однако, ни солидной философской подготовкой, ни широтой политического кругозора, ни способностью глубоко анализировать основные тенденции экономического развития России. О лидере меньшевиков Ю. О. Мартове, например, Ленин говорил, что это типичный журналист, который «все схватывает на лету, страшно впечатлителен, но ко всему легко относится»²⁷. Такая легковесность в соединении с интеллигентским импрессионизмом и привели Мартова к оппортунизму сначала в организационных, а затем и в тактических вопросах. При этом следует подчеркнуть, что он никогда не брался за большие теоретические проблемы, ограничиваясь, как правило, текущей политической публицистикой. Много общего с Мартовым было и у Троцкого, отличавшегося безграничной самоуверенностью, чисто спекулятивным складом мышления и крайне поверхностным знакомством с теорией марксизма, что всегда особенно возмущало Плеханова.

Не шли ни в какое сравнение с Г. В. Плехановым ни всегда тяготевший к «легальному» марксизму А. Н. Потресов, ни бойкий на язык, претенциозный А. С. Мартынов,

²⁶ Показательно в этом отношении письмо В. А. Носкова (члена ЦК после II съезда РСДРП, примиренца) к Плеханову, датированное осенью 1905 г., в котором, в частности, говорилось: «...Вашего слова теперь ждут более, чем когда-либо. Уже помимо того высшего уважения, которое мы питаем к Вам, той веры в Вашу теоретическую дальзоркость и правдивость, которую Вы привили нам, помимо этого для нас важно и Ваше положение вне «фракций». Когда говорят другие товарищи, тоже «вожди»!, вроде г. «богом нам дан» (нарек на Дана.— С. Т.), мы не уверены, говорит ли человек то, что думает, или просто подделывается под известного ему «фракционного» противника с целью сказать ему в пику свое особое, «востроумное»... В Вас же мы верим... Вы говорите, и мы убеждены, что «такое человек верует» и не вынесет сделок с теоретической совестью. Вот почему мы всегда так страстно ждем Вашего слова... И не соглашаясь иногда с Вами, к слову-то Вашему не можем относиться иначе, как с доверием» (Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 300. 1, л. 1).

²⁷ Цит. по: *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 53; см. также с. 85—86.

ни наукообразный П. П. Маслов. Что касается «главного тактика» меньшевизма П. Б. Аксельрода, то его болезненность и низкая работоспособность не позволяли ему играть активную роль в «Искре» и тем более в практическом руководстве меньшевистскими организациями, а наиболее преданный друг Плеханова В. И. Засулич по существу уже отошла в этот период от активной политической деятельности²⁸.

Над Плехановым все больше нависала угроза политической изоляции. Перейдя в меньшевистский лагерь, он не смог обрести ни душевного равновесия, ни творческих сил. Отсюда рождалось горькое чувство одиночества, сознание того, что ему все чаще и чаще приходится играть роль «ненужной Кассандры»²⁹. И, наверное, не случайно в одной из плехановских статей 1905 г. возникает созвучная настроению автора, грустная некрасовская аллегория: «Не заказано ветру свободному петь тоскливые песни в полях...»³⁰, в которой Плеханов видел поэтический образ своей собственной судьбы.

Чисто внешне события 9 января 1905 г., положившие начало революции в России, мало что изменили в привычной жизни обитателей дома № 6 по улице Кандоль в Женеве, на втором этаже которого снимали просторную пятикомнатную квартиру Г. В. Плеханов и его жена. Как всегда, по утрам Плеханов отправлялся на прогулку, регулярно посещал знаменитую Женевскую библиотеку, принимал посетителей, готовил новые статьи. Но даже здесь, в тихой, несколько провинциальной Женеве, где в XVIII в. яростно спорили Вольтер и Руссо, а в начале XX в. не менее ожесточенно полемизировали Ленин и Плеханов, чувствовалось дыхание революционной бури, пронесшейся над далекой Россией. В ряде городов Швейцарии — Женеве, Берне, Цюрихе, Лозанне, Бадене, Лугано, Шо-де-фоне — прошли демонстрации протеста против

кровавого преступления царизма 9 января 1905 г.³¹ С утра до вечера бурлила русская эмигрантская колония, состоявшая из представителей самых разных политических направлений: большевиков, меньшевиков, бундовцев, эсеров, анархистов, беспартийных демократов, либералов. Особую остроту приобрели идейные схватки между большевиками и меньшевиками, горячо обсуждавшими перспективы развития революционных событий. Все это не могло, разумеется, пройти мимо Плеханова. Как вспоминала Р. М. Плеханова, на протяжении всего 1905 г. муж, несмотря на частые недомогания, был очень бодр, много работал, выступал перед русскими эмигрантами в разных городах Швейцарии. Известия с родины поднимали его дух, вызвали стремление к активной работе, борьбе³².

В 1905 г., как и в последующий период, основным источником информации о ходе революции в России были для Плеханова русские и зарубежные газеты (напомним, что он свободно читал на пяти европейских языках)³³, а также переписка. Из очевидцев революционных событий на родине, побывавших в доме Плехановых в Женеве, самыми яркими фигурами были Георгий Гапон³⁴

³¹ Kappeler A., Lemmenmeier M. Die Schweizer Öffentlichkeit und die Russische Revolution von 1905—1907.— Jahrbücher für Geschichte Ost Europas, 1973, Bd. 21, N. 3, S. 408.

³² Александр Николаевич Скрябин, с. 66.

³³ Среди сохранившихся до наших дней в библиотеке Дома Плеханова в Ленинграде периодических изданий 1905—1907 гг. можно найти большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий», эсеровские органы — «Вестник русской революции», «Революционная Россия», «Партийные известия», кадетскую «Речь» и левокадетский «Товарищ», «Полярную звезду» Струве и «Без заглавия» Кусковой и Прокоповича и др. По подсчетам специалистов, в работах Плеханова о революции 1905—1907 гг. встречаются ссылки на материалы, опубликованные в 20 с лишним периодических изданиях (у Ленина — более 100). См.: Степанский А. Д. Периодическая печать 1905—1907 гг. как источник в произведениях В. И. Ленина. — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977, с. 93, 94.

³⁴ По воспоминаниям Р. М. Плехановой, после бегства из России Г. А. Гапон явился в дом на улице Кандоль прямо с вокзала. Первое впечатление от встречи с ним было в пользу этого «самого видного» из стихийных вожаков стихийного рабочего движения, как называл Гапона Плеханов (см.: Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 201). В дальнейшем Гапон стал частым гостем в доме Плехановых. Г. В. Плеханов, посвятивший ему специальную заметку «Священник Г. Гапон», опубликованную в «Искре» 12 (25) марта 1905 г., находил его человеком невежественным,

²⁸ В конце 1905 г. В. И. Засулич вернулась в Россию и поселилась в Тульской губ., выйдя, по ее собственным словам, «в отставку» (см.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. 1, с. 241). Сочувствие Засулич идеям ликвидаторов еще более отдалило ее от Плеханова. Однако в годы первой мировой войны их позиции вновь сблизились, и в 1917 г. Засулич вошла в состав плехановской группы «Единство».

²⁹ Александр Николаевич Скрябин. М.; Л., 1940, с. 66—67.

³⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 4.

и моряки с броненосца «Потемкин»³⁵. Однако этого было явно недостаточно, чтобы составить себе ясное представление о настроениях пролетарских и крестьянских масс.

Вернуться в Россию Плеханов в 1905—1907 гг. так и не смог, хотя был момент, когда отъезд его, казалось, уже был предрешен. Манифест 17 октября 1905 г., объявленная вслед за ним урезанная политическая амнистия, а главное общая обстановка коротких «дней свободы», наступивших после октябрьской победы рабочего класса, делали в принципе возможным возвращение Плеханова на родину (напомним, что осенью 1905 г. в Россию вернулись Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, А. Н. Потресов, а П. Б. Аксельрод — летом 1906 г.). В начале 1906 г. пограничной жандармской страже на станции Вержболово было дано специальное указание: «Возвращающийся в Россию эмигрант Плеханов аресту не подлежит»³⁶. Однако

но искренним и по-своему привлекательным. По совету Ленина, которого тоже посетил Гапон, бывший «батьюшка» засел за изучение плехановских произведений, но делал это «как бы по обязанности» (см.: *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 98). Вскоре в отношении Плеханова к Гапону почувствовалось явное охлаждение, особенно усилившееся после того, как Гапон установил тесный контакт с женевскими эсерами и стал утверждать, что социал-демократы мешают успехам рабочего движения в России (Архив Дома Плеханова, ед. хр. АП.14.11, л. 16, 17; Историк-марксист, 1922, № 5/6, с. 15, 16). В дальнейшем Плеханов сумел разобраться в истинной сущности провокатора, назвав его в начале 1906 г. «конченным человеком», которого «удивительно дешево» купил Витте. См.: *Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова*. М., 1974, т. 3, с. 240.

³⁵ См.: Архив Дома Плеханова, ед. хр. АП.13.6, л. 1. Беседы Плеханова с матросами продолжались часами. Среди потемкинцев был, в частности, Афанасий Матюшенко, посещавший в это же время и Ленина (см.: *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 101). Рассказ матроса М. Соломина о восстании был записан в доме Плехановых студентом Д. Шпитальниковым и опубликован в 1906 г. в журнале «Современный мир» под псевдонимом Матросов. Бывал у Плеханова и один из руководителей восстания, меньшевик К. И. Фельдман, написавший по предложению Плеханова воспоминания об этом знаменательном событии. Очевидно, именно подробная и объективная информация о ходе потемкинской эпопеи позволила Плеханову дать в основном верную оценку восстания. См.: *Плеханов Г. В.* Соч., т. 13, с. 320—322.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, 1906, отд. 1, оп. 235, д. 753, л. 80. В октябре 1906 г. Департамент полиции циркулярно распространял список лиц, розыск которых подлежит прекращению, где под № 37 значился Г. В. Плеханов. «Надобности в аресте не встречается, надлежит установить секретное наблюдение», — говорилось в циркуляре (там же, л. 83 об.).

воспользоваться этой «царской милостью» Плеханову так и не пришлось.

События развивались следующим образом: в ноябре 1905 г. Плеханов побывал в русском консульстве в Берне, чтобы похлопотать о получении паспорта, а Р. М. Плеханова фактически перестала заниматься врачебной практикой. Однако вскоре Плеханов тяжело заболел и уехал из Женевы в Монтрё. Его настроение в те тяжелые дни хорошо передано в письмах, адресованных Л. И. Аксельрод и Р. М. Плехановой. В первом мы читаем: «Тянет меня в Россию. Я испытываю такое ощущение, как будто я дезертировал. Почти не могу работать. Надо ехать. Только вот здоровье-то мое зимою ничего не стоит! Скверно! Но все равно лучше умереть на своем посту, чем дезертировать»³⁷. Второе письмо, датированное 22 ноября (4 декабря) 1905 г., еще более красноречиво: «Поедем, а то я с ума сойду, — писал Плеханов жене. — Мое место теперь в России... Право, я как-то себе дезертиром, а это самая презренная порода людей. Не затем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет великая борьба»³⁸.

Как раз в это время Плеханов получил из Петербурга письмо с предложением встать во главе двухнедельного меньшевистского журнала «Начало»³⁹. Это сообщение придало ему новые силы, и 5 (18) декабря он пишет в ответ: «Поездку в Россию все считают безумием. Но мы недаром переживаем безумное время. Я еду...»⁴⁰. Не долечившись, Плеханов вернулся в Женеву и начал укладывать книги и рукописи, готовясь к отъезду в Россию.

В конце декабря 1905 г. он выезжал на несколько дней в Берлин, где встретился у К. Каутского со своим старым другом, бывшим чернопередельцем, а затем членом группы «Освобождение труда» Л. Г. Дейчем. Было

³⁷ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А.8.135, л. 4.

³⁸ Цит. по: Александр Николаевич Скрябин, с. 68.

³⁹ Автором письма был Е. Смирнов (Э. Л. Гуревич) — предполагаемый ответственный секретарь этого так и не состоявшегося издания. «... Ваше отрезвляющее влияние, — писал он Плеханову, — прямо необходимо. Мы много работаем, но работаем стихийно. Ваши указания и советы могли бы быть чрезвычайно полезны. Поэтому если есть хоть какая-либо возможность, приезжайте скорее. В смысле полицейском, кажется, препятствий ожидать нельзя» (ЦГАОР СССР, ф. 102, перлюстр., 1905, оп. 265, д. 30, л. 29).

⁴⁰ *Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова*, т. 1, с. 214.

условлено, что вскоре Дейч снова придет за границу⁴¹ и будет сопровождать Плехановых в Петербург. По свидетельству самого Плеханова, в середине января 1906 г. был назначен даже день отъезда, но неожиданно в Женеву пришла телеграмма с сообщением об аресте Дейча⁴². Ситуация в Петербурге резко изменилась: начались преследования революционеров, руководители РСДРП вынуждены были перебраться в Финляндию, «дни свобод» остались позади. В это же время наступило новое резкое ухудшение состояния здоровья Плеханова, и вместо Петербурга он оказался на лечении в маленьком итальянском местечке Больяско на Ривьере⁴³.

Как вспоминала Р. М. Плеханова, ее муж долго не мог оправиться от пережитого потрясения, и лишь поездки во Флоренцию и Рим⁴⁴, а затем на IV съезд РСДРП в Стокгольм и в Германию⁴⁵ вернули ему работоспособность. Лето 1906 г. Плеханов провел в деревушке Шарне на берегу Женевского озера, а в конце сентября вернулся в Женеву. Тем не менее вопрос о его возвращении в Россию не был окончательно снят вплоть до весны 1907 г.⁴⁶

⁴¹ Предполагалось, что Дейч вместе с делегацией русских рабочих придет за границу для участия в политической кампании по случаю первой годовщины Кровавого воскресенья.

⁴² Архив Дома Плеханова, ед. хр. А.8.144, л. 1; ед. хр. АП.12.24, л. 13.

⁴³ Здесь Плеханов сблизился с известным русским композитором А. Н. Скрябиным, в творчестве которого он видел своеобразное отражение революционных событий в России (см.: Александр Николаевич Скрябин, с. 65—75). Скрябин также очень высоко отзывался о Плеханове, говоря, что встреча с ним будет иметь решающее влияние на его жизнь (Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.481а. 15а).

⁴⁴ Александр Николаевич Скрябин, с. 68, 69.

⁴⁵ После съезда Плеханов заезжал в Берлин и Гамбург, где беседовал с руководителями германской социал-демократии и встречался с немецкими рабочими. Перед возвращением в Женеву он выступал в Цюрихе и Берне с докладом о IV съезде РСДРП перед русскими политическими эмигрантами. См.: Александр Николаевич Скрябин, с. 73; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Указ. соч., с. 92, 93.

⁴⁶ Л. И. Аксельрод летом 1906 г. консультировалась по вопросу о возможности возвращения Плеханова в Россию с известным адвокатом Грузенбергом, но он посоветовал подождать (Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.8.84, л. 1). П. Б. Аксельрод, который уже в декабре 1905 г. писал Р. М. Плехановой, что скоро Жоржу (Плеханову) придется выступить на арене избирательной и парламентской борьбы (см.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. 2, с. 209), звал Плехановых в

И может быть, именно потому, что в 1905 г. Плеханову не удалось вырваться из опостылевшей ему швейцарской эмиграции, через 12 лет, когда в России произошла победоносная Февральская революция, он, несмотря на тяжелую болезнь, одним из первых вернулся в Петроград, считая, что лучше умереть в революционной России, чем вновь томиться сознанием своего бессилия и одиночества в далекой Швейцарии.

В сентябре 1906 г. Плеханов совершил кратковременную поездку на Мангеймский партайтаг германской социал-демократической партии, где вел с ее руководством переговоры о предоставлении материальной помощи русским революционерам⁴⁷, а в ноябре — на заседание Международного социалистического бюро в Брюссель⁴⁸. Весной 1907 г. он вновь побывал в Риме, а затем провел целый месяц в английской столице, принимая участие в V съезде РСДРП. Наконец, в августе 1907 г. Плеханов выезжал в Штутгарт на очередной конгресс II Интернационала. Остальное время он находился в Женеве, Нерви или Больяско (Италия).

Такова основная событийная канва биографии Плеханова тех лет. Как и прежде, его жизнь была заполнена в 1905—1907 гг. прежде всего литературной работой. Редактирование русского перевода книги «Теории прибавочной стоимости» Маркса, подготовка двух больших статей по истории искусства, нового предисловия к книге Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также развернутой рецензии на

1906 г. приехать в Териоки (на территории Великого княжества Финляндского, в полутора часах езды от Петербурга), откуда можно было периодически наезжать в столицу (см. там же, с. 215, 216). Новый порыв к возвращению на родину был вызван письмом Н. И. Иорданского от 8 марта (23 февраля) 1907 г., где выражалось горячее желание видеть Плеханова в России (см.: Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 188.9). Вскоре после его получения Плеханов писал А. М. Коллонтай, что весной он будет в России (см.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 1, с. 219). В ответ Коллонтай в осторожной форме выразила сомнение, «не душно ли будет» для Плеханова теперешнее русское «полуподполье» (Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.220.10, л. 1). В итоге планы возвращения Плеханова на родину остались в 1905—1907 гг. нереализованными.

⁴⁷ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 14. 34.

⁴⁸ Bureau Socialiste International. Comptes rendus des réunions, manifestes et circulaires. Paris, 1909, vol. 1, p. 240.

пьесу А. М. Горького «Враги» — вот чем занимался, в частности, Плеханов в эти бурные годы. Заметим, что подобная широта творческих интересов имела и свою оборотную сторону: она свидетельствовала о том, что очень часто оторванный от живой революционной работы Плеханов вынужден был братья отнюдь не за самые нужные для революции дела. И этим он разительно отличался от Ленина, который даже в эмиграции всегда находился в самой гуще политической борьбы.

Революция усилила тягу передовых рабочих и демократической интеллигенции к марксистской литературе, а некоторые цензурные послабления открыли возможность для легального издания лучших произведений западноевропейских и русских марксистов, в том числе и Плеханова. В 1905 г. в Петербурге была выпущена его книга «За двадцать лет: Сборник статей литературных, экономических и философско-исторических»⁴⁹ (год спустя она была переиздана), а в 1906 г. там же были напечатаны «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», работы 90-х годов — «О задачах социалистов в борьбе с голодом», «Всероссийское разорение», «Критика наших критиков», воспоминания «Русский рабочий в революционном движении». Особенно много для распространения произведений Плеханова сделала прогрессивная петербургская книгоиздательница Мария Малых. Ряд работ Плеханова был издан на периферии, в частности в Одессе.

И все-таки главным своим делом в период революции Плеханов, безусловно, считал занятия текущей политической публицистикой, откликающейся на самые злободневные, острые, болезненные вопросы российской действительности. Эта работа была для него той нитью, которая связывала его с родиной, с партией, рабочим классом, и как бы тонка эта нить порой ни была, Плеханов любой ценой старался удержать ее в слабеющих руках, ибо прекрасно понимал, что иначе он перестанет быть активным политическим деятелем, борцом, руководителем.

Мы уже отмечали, что к началу революции все более закреплялась «особая позиция» Плеханова в меньшевистском лагере. В марте 1905 г. он осуществил, наконец, свое давнее желание и начал издавать в Женеве собственный неперIODический орган «Дневник социал-демократа

⁴⁹ В 1905 г. в Женеве был издан первый том сочинений Г. В. Плеханова.

Г. В. Плеханова», прототипом для которого послужил «Дневник писателя», издававшийся в 1876—1881 гг. Ф. М. Достоевским. Разумеется, такое издание не могло соперничать по степени своего влияния на пролетарские массы не только с большевистскими газетами «Вперед» и «Пролетарий», но и с меньшевистской «Искрой». А. В. Луначарский, работавший под руководством Ленина в большевистской эмигрантской прессе, сравнивал редакцию «Вперед» и «Пролетария» с командным пунктом, куда стекалась вся информация и откуда легче всего было обозреть «поле брани»⁵⁰. Орган Плеханова, напротив, носил довольно кустарный, с точки зрения большой журналистики, характер, причем анахронизм подобного литературного предприятия — малотиражного журнала одного автора — становился особенно очевидным именно в период революции, когда, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, вся «общественно-революционная жизнь мощно шла к коллективному творчеству»⁵¹. При этом весьма замечательно, что в 1905 г. даже меньшевики упорно замалчивали плехановский «Дневник» и мешали его распространению⁵².

Первый номер «Дневника» состоял из трех статей. «Мукден» был посвящен анализу причин поражения царской армии на полях Маньчжурии, в заметке «Мужики бунтуют» рассказывалось о росте крестьянского движения в России, а в ответе на письмо группы членов РСДРП под названием «О некоторых наших „нехватках“» подчеркивался огромный вред от пренебрежения к теории марксизма, причем Плеханов прозрачно намекал, что особенно грешат этим большевики⁵³. Оценивая первый номер «Дневника», Н. К. Крупская писала, что общий тон его «уныло-примирительный», а вылазки против большевиков носят не очень резкий характер. В другом письме она сообщала, что тон «Дневника» ужасно грустный, похожий на то, что началось бегство с тонущего корабля⁵⁴.

Характеризуя позже свои отношения с меньшевиками,

⁵⁰ Луначарский А. В. Человек нового мира. М., 1976, с. 69.

⁵¹ Бонч-Бруевич В. Д. На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932, с. 104.

⁵² Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 300. 1, л. 1.

⁵³ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 258, 259.

⁵⁴ Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины. Киев, 1964, с. 605, 598, 599.

Плеханов писал, что хотя по сравнению с большевиками они в общем и целом лучше понимали тактические взгляды группы «Освобождение труда», которые всегда были в глазах Плеханова образцом ортодоксального марксизма, но понимание это было несколько «дубоватым». Это и вызывало в отношениях между Плехановым и официальным меньшевистским руководством «некоторые, так сказать, антракты»⁵⁵, один из которых, и притом довольно продолжительный, начался весной 1905 г., вскоре после того, как прошли III съезд большевиков в Лондоне и параллельно меньшевистская конференция партийных работников в Женеве.

Плеханов был приглашен на III съезд РСДРП, но ответил отказом. Он хорошо сознавал, что в случае появления на съезде ему придется так или иначе объяснить свою политическую линию, дать отчет о деятельности возглавлявшегося им Совета партии, который фактически превратился в орудие тайной организации меньшевистской фракции⁵⁶. Немалое значение имел для Плеханова и чисто престижный момент: прийти на съезд, создаваемый по инициативе большевиков, значило в той или иной форме признать превосходство Ленина как политика и организатора, а это было для Плеханова выше его сил⁵⁷. Но главное заключалось, без сомнения, в том, что Плеханов в основном разделял стратегические и тактические установки меньшевизма, хотя временами в нем и просыпался старый «якобинец», восставший против расплывчатости и неопределенности меньшевистской линии. И как бы ни старался Плеханов занять весьма двусмысленное положение «над» обеими фракциями РСДРП, уже один тот

⁵⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 19, с. 386.

⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 62. Объясняя свой отказ участвовать в работе съезда, Плеханов наполовину в шутку, наполовину всерьез говорил, что большевики собираются поступить с ним так же, как в известном тургеневском рассказе «Бежин луг», где один мальчик зовет другого: «Иди сюда, черт, ле-ш-и-и-й... тебя тятка высечь хочи-и-и-т...». «Вы тоже хотите меня высечь на съезде, потребовать от меня отчета о моей работе по выполнению решений II съезда», — добавлял Плеханов (цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1966, т. 2, с. 46).

⁵⁷ Рабочий И. В. Попов вспоминал, что, претендуя на монополярную роль теоретика, Плеханов не терпел ни малейшего намека на выдающуюся роль Ленина в партии (см.: Попов И. В. Воспоминания. М., 1971, с. 174). Об этом же писала М. М. Эссен. См.: Пролетарская революция, 1928, № 1, с. 113.

факт, что он отверг приглашение большевиков приехать в Лондон и принял участие в меньшевистской конференции в Женеве, достаточно красноречиво свидетельствовал о его политических симпатиях того времени.

Тем не менее отношения Плеханова с меньшевистской фракцией и ее руководством складывались достаточно сложно. В Женевской конференции, созванной меньшевиками в противовес III съезду РСДРП, но оказавшейся малопредставительной и объявленной поэтому «Первой общерусской конференцией партийных работников», участвовали все наиболее крупные фигуры меньшевизма, за исключением Троцкого. Активное участие в конференции принял и Плеханов, входивший в состав комиссий, которые готовили проекты резолюций по аграрному вопросу и об отношении к профсоюзам⁵⁸. Влияние Плеханова сказалось также на решениях конференции о вооруженном восстании⁵⁹. Однако позиция его на конференции была весьма противоречивой. Так, в противовес ряду меньшевистских делегатов, не скрывавших своей боязни широкого крестьянского движения, Плеханов выступил в поддержку аграрных требований крестьянства вплоть до конфискации всей помещичьей земли⁶⁰. Вместе с тем он защищал типично меньшевистские тактические установки о поддержке либералов и отказе от участия социал-демократов во временном революционном правительстве. Плеханов присоединился также к заявлению делегатов конференции о «незаконности» III съезда РСДРП и его решений⁶¹. Однако решения конференции по организационным вопросам привели к новому конфликту Плеханова с меньшевистским руководством. Плеханов и Аксельрод настаивали на том, что конференция должна выступить от лица всей партии и подтвердить правомочность избранных на II съезде РСДРП ЦК, ЦО и Совета партии. Но конференция объявила себя представительницей лишь одной, меньшевистской фракции и признала старые центральные органы расставшими, заменив их так называемой «Организационной комиссией». В связи с этим Плеханов направил в редакцию «Искры» письмо следующего

⁵⁸ Первая общерусская конференция партийных работников. Женеве, 1905, с. 31.

⁵⁹ Архив Дома Плеханова, ед. хр. АД. 9. 531, л. 23.

⁶⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 25, 26.

⁶¹ Первая общерусская конференция партийных работников, с. 10—14.

содержания: «Решения конференции, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора центрального органа и пятого (выбранного вторым, законным, съездом) члена Совета». В таком виде этот документ, датированный 29 мая 1905 г. н. ст., появился в № 101 «Искры»⁶².

Первоначальный его вариант звучал, однако, намного резче: «Товарищи! Я вынужден расстаться с вами... Я не собираюсь разбирать здесь, насколько хороша была тактика, усвоенная конференцией. По-моему, она была из рук вон плоха... Но дело состоит теперь не в этом, а в том, что учреждениям, установленным вторым съездом нашей партии, перестали подчиняться как ваши противники, признающие законность третьего съезда, так и вы сами». Возможно, продолжал Плеханов, в других условиях он и остался бы в «Искре», но дело осложнилось отношением членов редакции к Л. И. Аксельрод, которую сначала кооптировали в состав редакционной коллегии «Искры», а затем «оскорбили», отложив окончательное решение вопроса до созыва меньшевистской конференции. «Вследствие этого я считаю себя нравственно обязанным... отклонить от себя честь оставаться в коллегии, не умеющей уважать права своих сочленов», — заканчивал письмо Плеханов. В постскрипуме он обращался к большевикам с вопросом, желают ли они, чтобы Плеханов «по-прежнему представлял эту — теперь, увы! — разорванную партию в Международном социалистическом бюро», ибо он может осуществлять такое представительство лишь с согласия обеих сторон, т. е. большевиков и меньшевиков⁶³.

Хорошо сознавая всю важность подобного шага, Плеханов по совету жены сначала отложил отправку письма⁶⁴, а затем сократил его текст, опустив, в частности, все, что касалось «дела» Л. И. Аксельрод, поскольку было совершенно очевидно, что оно являлось лишь предлогом к разрыву. Объясняя свою позицию, Плеханов писал Л. И. Аксельрод: «Я не могу дышать тем воздухом, которым приходится теперь дышать всякому, принадлежащему к меньшинству. Весь вопрос в том, как выйти: с шумом или без

⁶² Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 226.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 104, л. 1—3. Постскрипум был также опубликован в № 101 «Искры».

⁶⁴ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 1, с. 212; Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 481. 13.

шума, и я думаю, что, принимая во внимание интересы партии, следует выйти без шума»⁶⁵. В свою очередь Л. И. Аксельрод 8 июня 1905 г. также направила в «Искру» письмо с отказом войти в состав редакции, мотивируя это своим несогласием с решениями меньшевистской конференции⁶⁶.

Реакция редакторов «Искры» на письмо Плеханова была, видимо, далеко не однозначной. Так, В. И. Засулич писала Л. Г. Дейчу, что «готова разорваться на пять кусков, лишь бы предупредить такое безобразие». Она горько жаловалась, что влияние эмиграции на русские дела и без того падает, а это новое «пятно на всех заграничных писателях вообще» станет жалкой и печальной эпитафией эмигрантскому меньшевистскому центру⁶⁷. С другой стороны, Ю. О. Мартов, который больше других «обижал» Л. И. Аксельрод и готов был пожертвовать Плехановым еще весной 1904 г., явно не собиравшись на этот раз уговаривать его остаться в «Искре». Правда, Потресов, Мартов, и Засулич все же направили Плеханову коллективное письмо, в котором подчеркивали, что его намерение выйти из редакции их «очень поразило». Редакторы «Искры» писали далее, что «в значительной степени дело идет о недоразумении» и что они считают «вредным для партийного дела прекращение совместной работы»⁶⁸. Плеханову было предложено взять свое заявление обратно и предоставить третейскому суду разрешить конфликт, возникший из-за участия в «Искре» Л. И. Аксельрод. Однако Плеханов решил не ограничиваться более одними угрозами, а меньшевистские лидеры тоже проявили на этот раз твердость и приняли его отставку.

Публикуя письмо Плеханова о выходе из состава редакционной коллегии, «Искра» сопроводила его комментарием, в котором говорилось: «Глубоко убежденные, что выход т. Плеханова будет встречен сожалением всех членов партии, мы все же должны выразить уверенность, что конференция не могла поступить иначе, если хотела

⁶⁵ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 1, с. 213. Сначала Плеханов намеревался в случае отказа меньшевистских руководителей опубликовать письмо в «Искре» издать его отдельным листком. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 104, л. 9.

⁶⁶ Искра, 1905, 1 (14) июня.

⁶⁷ Архив Дома Плеханова, ед. хр. АД2/127. 19, л. 1.

⁶⁸ Там же, ед. хр. В. 348. 20, л. 1.

попытаться, наконец, разрубить запутавшийся gordiev узел нескончаемых конфликтов о компетенции»⁶⁹. Таким образом, Плеханову дали понять, что меньшевистское руководство не намерено более сохранять фикцию «единства» партии и взяло курс на полный организационный раскол с большевиками и оформление меньшевистского течения в самостоятельную партийную группировку. В свою очередь этот более жесткий курс неизбежно должен был повлечь за собой стремление сосредоточить руководство меньшевистской партией целиком в руках «твердых» и «последовательных» лидеров, ставящих интересы меньшевизма как целого выше собственного честолюбия и престижа, чего как раз и недоставало Плеханову.

Несмотря на отдельные сожаления по поводу разрыва Плеханова с «Искрой»⁷⁰, широкого резонанса в меньшевистских кругах его «отставка» не получила. Да и сама «Искра» доживала уже в это время последние месяцы, и осенью 1905 г. ее редакция фактически распалась: Потресов и Засулич переехали в Париж, П. Б. Аксельрод остался в Швейцарии, а остальные редакторы направились в Вену. В октябре, после выхода 112-го номера, газета прекратила свое существование.

Подобный поворот событий давал большевикам известные основания надеяться на возобновление контактов, а может быть, и сотрудничества с Плехановым, которого они неизменно выделяли среди других меньшевистских руководителей⁷¹. Ленин всегда ценил Плеханова как

мыслителя, проявлял величайшее уважение к «физической силе» его огромного ума⁷², называл «человеком колоссального роста»⁷³. Вряд ли нуждается в комментариях и известное признание Ленина, сделанное им в совершенно уникальной по своему характеру, напоминающей страничку из личного дневника заметке «Как чутко было не потухла „Искра“», где он писал по свежим следам от бесед с Плехановым летом 1900 г.: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением...»⁷⁴.

Особое чувство к Плеханову сохранялось у Ленина и после раскола партии⁷⁵. Сам за себя говорит, в частности, тот факт, что Ленин и Крупская следили буквально за каждым выступлением Плеханова в печати, за каждым зигзагом его политической линии, не веря в прочность «протivoестественного и гнилого» союза основателя группы «Освобождение труда» с людьми типа Мартынова и Троцкого⁷⁶. В апреле 1904 г. Н. К. Крупская писала Л. М. Книппович: Ленин все еще верит в то, что Плеханов — «честный мыслитель, хотя душонка у него и дрянная»⁷⁷.

В проекте «Резолюции о поведении в партийном кризисе Плеханова», написанном Лениным в феврале 1905 г. в связи с подготовкой III съезда РСДРП, подчеркивалась правильность позиции Плеханова в программных, тактических и организационных вопросах, которую он занимал на II съезде партии и на съезде Заграничной лиги. Вместе с тем выражалось сожаление по поводу того, что Плеханов не удержался на этой позиции и «стал добиваться самыми беззастенчивыми средствами и против воли партии удовлетворения всех требований меньшевиков...». Съезд,

говорил, делал, писал, его крайне интересовало. Он превращался в одно внимание, когда речь заходила о Плеханове» (*Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 251—252).

⁷² Луначарский А. В. Человек нового мира, с. 60.

⁷³ Пролетарская революция, 1924, № 2, с. 9.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 343.

⁷⁵ Крупская Н. К. О Ленине: Сборник статей и выступлений. 3-е изд. М., 1971, с. 20, 100, 159, 264—269.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 395; Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины, с. 598, 656, 663; Карпинский В. А. Из времени «Вперед» и «Пролетария». — Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 4.

⁷⁷ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905, т. 2, с. 242.

⁶⁹ Искра, 1905, 1 (14) июня.

⁷⁰ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.487.4а, л. 1; Письма Мартова и Аксельрода, с. 121.

⁷¹ Как вспоминал П. Н. Лепешинский, после II съезда РСДРП труднее и больше всего было Ленину расстаться с надеждами на восстановление добрых союзнических отношений с Плехановым, которого он всегда отличал от прочих новоискровцев как великана среди лилицутов. Лепешинский считал, что если бы во время ожесточенной полемики между большевиками и меньшевиками Плеханов сохранил хотя бы честный нейтралитет в борьбе, то «Ильич не отошел бы далеко от Плеханова» (Пролетарская революция, 1924, № 2, с. 8, 9). По воспоминаниям Н. Валентинова, который в 1904 г. примыкал к большевикам, Ленин не раз подчеркивал, что не нужно смешивать Плеханова, заседающего в компании оппортунистов в редакции «новой» «Искры», с другим Плехановым — лучшим после смерти Энгельса знатоком и комментатором марксистской философии. «Плеханов ему импонировал, как никто другой, — писал Валентинов, — больше, чем Каутский, больше, чем Бебель. Все, что тот

говорилось далее в проекте, «решительно осуждает эту политику лукавства по отношению к сочленам по партии, ибо такая политика, какие бы гуманные мотивы по отношению к отдельным личностям ее ни вызывали, не может не оказывать деморализующего влияния на партию»⁷⁸.

Примерно в то же время на страницах большевистской газеты «Вперед» в статьях М. С. Ольминского и В. В. Воробьевского появились и более резкие оценки поведения Плеханова. Так, М. С. Ольминский писал, что Плеханов, «связавшись с беспринципной компанией, дошел незаметно для себя до того, что стал проповедовать самый вредный оппортунизм»⁷⁹. Тем не менее и в 1904, и в 1905 г. большевики еще не теряли надежды на возможность возвращения Плеханова в их ряды. Так, в августе 1904 г. большевик Я. П. Пономарев писал Ленину, что «партия Плеханова» совсем особая, что он идет с меньшевиками не по убеждению и «будет наш»⁸⁰. М. М. Эссен в письме В. А. Носкову также допускала возможность, что новый партийный съезд «может вернуть нам Плеханова»⁸¹.

Вот почему сразу же после ухода Плеханова из «Искры» большевик Г. Л. Шкловский в соответствии с инструкциями Ленина начал при посредничестве Л. И. Аксельрода переговоры о возможности его возвращения в ряды большевиков⁸², а избранный на III съезде РСДРП

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 322—323.

⁷⁹ Вперед, 1905, 28 (15) февр.; см. также: Вперед, 1905, 23 (10) марта.

⁸⁰ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 г, т. 2, с. 450.

⁸¹ Там же, с. 122.

⁸² Переговоры, судя по воспоминаниям Шкловского, проходили в мае — июне 1905 г. Сначала Плеханов дал понять, что не прочь пойти на сближение с большевиками. Однако он заявил, что не может вернуться к ним, поскольку «Ленин окружил себя буржуазными демократами, которые в философии проповедуют ревизию марксизма», а в тактических вопросах — «мильеранизм», выступая за участие социал-демократов во временном революционном правительстве. Под философскими «ревизионистами» Плеханов подразумевал Богданова и Луначарского, увлекавшихся в то время модными «теориями» махизма. Ленин относился к их философским штатаниям резко отрицательно и еще в 1903 г. предложил сначала Плеханову, а после его отказа Л. И. Аксельроду написать статью для «Искры» с критикой Богданова. Такая статья, несмотря на сопротивление Мартова, была опубликована в ноябре 1904 г. (см.: Пролетарская революция, 1924, № 1, с. 200—202). В 1904 г. Ленин в товарищеской обстановке спорил с Богдановым по философским проблемам, а в 1905 г. прямо писал Луначарскому, что критика Маха у

ЦК принял 20 (7) мая 1905 г. провизорное решение о возможности поручить Плеханову представительство большевиков в Международном социалистическом бюро и редактирование научного органа партии по образцу выходявшего одновременно со старой «Искрой» журнала «Заря»⁸³. Приведение этого решения в исполнение — в том случае, если бы переговоры с Плехановым закончились благополучно, — было поручено Ленину.

Однако Плеханов повел себя таким образом, что сделал реализацию указанного проекта невозможной. 16 (3) июня 1905 г. он направил в Международное социалистическое бюро (МСБ) письмо, в котором поспешил объявить, что обе фракции РСДРП уполномочили его представлять их перед международным социалистическим движением, хотя большевики с подобной просьбой к нему еще не обращались⁸⁴. Одновременно Плеханов в превратном

Плеханова кажется ему верной (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 51). Однако в интересах практической партийной работы Ленин в то время молчаливо устранил из отношений с Богдановым и Луначарским философские вопросы, тем более что ошибки Богданова еще не обнаружались тогда во всей их глубине (это произошло в 1906 г.), а Луначарского Ленин считал увлекающейся, артистической натурой, человеком, способным вернуться (и действительно вернувшимся) на путь истины (см. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 142; Ленинский сборник XV, с. 88; Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 34).

Кроме того, Плеханов считал себя глубоко обиженным тем, что в «Извещении» о III съезде РСДРП говорилось, что Плеханов, Мартов и Аксельрод, не явившись на съезд, поставили себя этим вне партии. «Плеханова, батенька, нельзя исключить из партии, ибо Плеханов — это программа партии, ее знамя», — говорил он сам Шкловскому. И хотя Плеханову разъяснили, что исключать его из партии никто не собирается, переговоры зашли в тупик (см.: Пролетарская революция, 1927, № 1, с. 12—15). 1 июня (19 мая) 1905 г. Н. К. Крупская писала: «Плеханов занял, по-видимому, межпартийную позицию, не хочет пойти ни к большевикам, ни к меньшевикам» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 450, л. 3 об.). Несколько позже Л. И. Аксельрод в одной частной беседе заявила, что до тех пор, пока на сторону большевиков не перейдет громадное большинство партийных комитетов, Плеханов предпочтет «выжидать» (см.: Партия в революции 1905 г. М., 1934, с. 189). Попытки переговоров большевиков с Плехановым продолжались вплоть до начала августа 1905 г. См.: Литературное наследство. М., 1971, т. 80, с. 601.

⁸³ Ленинский сборник V, с. 473, 474; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 331, прим. 54.

⁸⁴ Большевики действительно дали Плеханову полномочия представлять их в МСБ, и 16 (29) мая меньшевистский ОК обратил-

свете изложил историю раскола российской социал-демократии и обратился к МСБ с просьбой выступить в роли посредника в деле восстановления единства РСДРП⁸⁵.

Когда Ленин узнал об этой акции Плеханова, он направил 8 июля 1905 г. в секретариат МСБ письмо, в котором говорилось, что вопрос о представительстве большевиков во II Интернационале еще не решен. В связи с этим Ленин просил впредь до принятия окончательного решения осуществлять все контакты МСБ с большевиками лично через него⁸⁶.

Новая ситуация диктовала и новый подход большевиков к Плеханову. 12 июля 1905 г., после того как русская часть ЦК РСДРП в составе Л. Б. Красина, А. А. Богданова и Д. С. Постоловского подтвердила майское предварительное решение о назначении Плеханова представителем большевиков в МСБ, Ленин пишет им следующее: «Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который не желает войти в партию и признать III съезд?.. Я сначала был за Плеханова, но теперь вижу, что назначать его без условий нельзя... Мое предложение: сделать „предложение“ Плеханову в духе вашего, но с условием, если он пожелает признать III съезд,

ся к ЦК РСДРП с предложением принять аналогичное решение.

См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 445, л. 1.

⁸⁵ Красная летопись, 1925, № 1, с. 119, 120. С предложением принять срочные меры для восстановления единства РСДРП 14 (1) июля 1905 г. обратилась в МСБ Британская социал-демократическая федерация (ЦПА ИМЛ, ф. 340, оп. 1, ед. хр. 83). Когда это письмо было передано Плеханову, он 24 (11) июля в письме на имя секретаря МСБ К. Гюйсманса выразил согласие на созыв бюро для обсуждения «русского вопроса» и заверил, что будет поддерживать решительно все шаги, направленные к «завершению такого прискорбного положения вещей» (ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 106, л. 1). Напомним в этой связи, что вплоть до осени 1905 г. большевики рассматривали посредничество отдельных партий II Интернационала или МСБ в целях восстановления единства РСДРП как вмешательство во внутренние дела нашей партии и отвергали любые предложения подобного рода (см.: Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 52, 57—58, 312). Лишь в сентябре 1905 г. Ленин согласился на проведение конференции с участием большевиков, меньшевиков и представителей МСБ (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 72, 73). Однако вскоре была достигнута принципиальная договоренность об объединении большевиков и меньшевиков без участия каких-либо посредников, и вопрос о конференции был снят с повестки дня.

⁸⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 36—38.

войти в партию и подчиниться ее решениям... До получения вашего ответа не буду ничего предлагать Плеханову»⁸⁷.

28 июля 1905 г. Ленин вновь пишет в ЦК, что назначение Плеханова представителем большевиков в МСБ было бы теперь «прямо немислимо». Однако он еще считал в это время возможным поручить Плеханову редактирование научного органа партии при условии признания им III съезда РСДРП и его решений⁸⁸. В дальнейшем, в октябре 1905 г., ЦК РСДРП назначил Ленина представителем партии в МСБ, а вопрос об издании научного органа под редакцией Плеханова вообще отпал.

В большевистских организациях в самой России летом 1905 г. сложилось уже вполне определенное настроение против Плеханова. Так, из Костромы в августе писали в редакцию «Пролетария»: «Деятельность Плеханова за последние два года полна непрерывных шатаний и все время служила интересам заграничного кружка в его борьбе с нарождающейся партийностью. Лишь в самое последнее время Плеханов отказался от совместной работы с Мартыновым и мартыновцами, но у него не хватило мужества опять войти в партию и занять в ее рядах определенное, вполне заслуженное им место. Его политическая неустойчивость, по нашему мнению, является следствием его совершенной оторванности от живой русской действительности, от действительной партийной жизни и отражает в себе временные настроения и колебания женеvской кооптационной политики»⁸⁹.

В августе 1905 г. вышел второй номер «Дневника», в котором наряду с лучшими плехановскими работами периода революции — статьей «Патриотизм и социализм»⁹⁰

⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 41—42.

⁸⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 48.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 257, л. 2.

⁹⁰ В этой статье Плеханов рассматривал вопрос о диалектике национального и интернационального, патриотизма и интернационализма. Он выступил как против национального нигилизма, так и против попыток ревизионистов объявить «устаревшим» известное положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что при капитализме «рабочие не имеют отечества». Плеханов правильно подчеркивал, что социалистический интернационализм «вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны» и в то же время подчиняет интересы последней интересам «революционного человечества, т. е. современного международного движения

и интересной заметкой о восстании на броненосце «Потемкин» — были опубликованы «Выбранные места из переписки с друзьями (письмо в редакцию „Пролетария“), где Плеханов в крайне резкой форме полемизировал с Лениным по вопросу о «захвате власти» (так окрестили меньшевики участие социал-демократии во временном революционном правительстве)⁹¹. Это заставило большевиков еще более круто изменить свою линию в отношении Плеханова. Н. К. Крупская сообщала Д. С. Постолюковскому 21 (8) августа-1905 г.: «Вышел № 2 плехановского „Дневника социал-демократа“. Полон злобных выходов против Ленина. Определенных, точных лозунгов не дает, а только вертится всячески, прячется с важным видом за „бочонок из-под диалектики“⁹² и утверждает, что Ленина испортили уже окружающие его последователи Маха и Авенариуса... Меньшевикам, особенно Мартову, тоже достается. Их-де организационные взгляды нелепы. Явный признак того, что Плеханову кажется, что меньшевики слабы, теперь на них можно-де нападать»⁹³. 25 (12) августа Н. К. Крупская писала С. И. Гусеву: «У нас с ним (Плехановым.— С. Т.) никаких отношений нет»⁹⁴. Очень резко отозвался о втором номере «Дневника» и В. В. Воровский⁹⁵.

Совершенно иным было теперь и настроение самого Ленина. Если после выхода первого номера «Дневника»

пролетариата, т. е. прогресса» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., М., 1957, т. 3, с. 95). Решительно осуждая колониализм и милитаризм, Плеханов писал, что сознательные рабочие являются самыми решительными и надежными сторонниками мира, причем «лучшим средством борьбы с милитаризмом нужно признать... всю совокупность успехов освободительного движения пролетариата» (там же, с. 97). Наконец, главным критерием оценки той или иной конкретной войны он считал интересы международной пролетарской революции.

⁹¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 273—304.

⁹² Н. К. Крупская имеет здесь в виду получившую широкое распространение в большевистских эмигрантских кругах карикатуру П. Н. Лепешинского, на которой Плеханов был изображен в виде премудрой крысы Онуфрия, живущей в бочонке с надписью: «Диалектика. Остерегайтесь подделки».

⁹³ Партия в революции 1905 года, с. 311. Аналогичные оценки содержатся в письмах Н. К. Крупской в Кострому (см. там же, с. 312) и в Баку (ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 269).

⁹⁴ Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины, с. 734.

⁹⁵ Партия в революции 1905 года, с. 357.

он писал П. А. Красикову: «Жаль старика, сердится зря, а хорошая башка...»⁹⁶, то в сентябре 1905 г. Ленин дает ЦК инструкцию: недоверие к Плеханову должно усиливаться⁹⁷, а 8 октября повторяет: «Усердно прошу: бросьте теперь совсем мысль о Плеханове и назначьте своего делегата (в МСБ.— С. Т.) из большинства»⁹⁸.

Ленин решил ответить Плеханову статьей или даже брошюрой под названием «Плеханов и новая „Искра“»⁹⁹. Замысел этот остался неосуществленным, но сохранился ленинский план-конспект, в котором есть следующая характеристика поведения Плеханова в меньшевистский период: «Политическая безличность. Мода. Тупинские перелеты. Перебежчики. „Душечка“. Хвастливость. Сверхчеловек одинок и думает, что это потому, что он выше всех. Иногда он еще вдобавок лицемерит для прикрытия перебежек». Есть в плане и еще одна ленинская фраза: «Пока Плеханов не высободится от наследия нов[ой] Искр[ы], он будет путать и фальшивить»¹⁰⁰.

26(13) сентября в «Пролетарии» была напечатана статья Ленина «Игра в парламентаризм», где разбирались оппортунистический план, предложенный в связи с проектом созыва Булыгинской думы Парвусом. При этом Ленин находил много общего в положении Парвуса и Плеханова. «Наши стоящие вне обеих частей партии сверхчеловеки, вроде Парвуса и Плеханова... воображают себя выше и „большинства“ и „меньшинства“: на самом деле они ниже и того и другого, ибо ко всем недостаткам большинства они сумели присоединить все недостатки меньшинства и все недостатки перебежчика», — писал он¹⁰¹.

И все же Ленин еще отнюдь не считал Плеханова безнадежно потерянным для большевистской партии человеком. В октябре 1905 г., когда встал вопрос об издании в Петербурге большой легальной газеты большевистского направления «Новая жизнь» и появилась реальная перспектива скорого возвращения на родину, Ленин решил обратиться к Плеханову с письмом, в

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 28.

⁹⁷ См. там же, с. 75.

⁹⁸ Там же, с. 84.

⁹⁹ См. там же, с. 58.

¹⁰⁰ Ленинский сборник V, с. 364, 363.

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 262—263.

котором приглашал его принять участие в новом печатном органе¹⁰². «Я знаю прекрасно,— писал Ленин,— что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами, как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами... Политически расходиться нам теперь было бы крайне нежелательно, крайне неуместно, крайне вредно для социал-демократии... Организационных разногласий у нас собственно никаких нет... А тактические разногласия наша революция сама сметает с поразительной быстротой... При таких условиях, кажется мне, Ваш переход к нам вполне возможен, и дело будущего объединения он не затруднит, а облегчит и ускорит»¹⁰³.

Если сделать даже определенную поправку на «дипломатический момент», несомненно отразившийся на некоторых формулировках ленинского письма, то и тогда этот документ не оставляет сомнений в том, что в октябре 1905 г. Ленин еще возлагал на Плеханова определенные надежды. Характерно, что он не обратился с аналогичным предложением ни к Мартову, ни к какому-либо другому видному деятелю меньшевизма, хотя объединительное движение в РСДРП приняло в это время уже вполне реальные очертания. Более того, Ленин даже выразил в указанном письме желание лично встретиться с Плехановым. Однако встреча эта не состоялась, а сотрудничать в «Новой жизни» Плеханов не стал¹⁰⁴.

После поражения Декабрьского вооруженного восста-

¹⁰² Ленин видел в обращении к Плеханову настолько ответственный политический шаг, что счел необходимым получить соответствующие полномочия от ЦК РСДРП. 27 октября 1905 г. он писал в ЦК: «Пожалуйста, напишите мне тотчас, предоставляете ли вы мне пригласить в наш широкий редакционный комитет (семеро) и в редакцию „Новой Жизни“ Плеханова... Я сделаю еще попытку сблизиться с ним, хотя надежды не очень много» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 102—103). Ответ ЦК Ленину не сохранился, но, очевидно, он был положительным, так как в конце октября Ленин написал большое письмо Плеханову с предложением сотрудничества в новой большевистской газете.

¹⁰³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 47, с. 103—106.

¹⁰⁴ Н. К. Крупская в воспоминаниях о Ленине писала, что она не помнит, имело ли место это свидание. «Вероятно, нет, потому что тогда этот факт вряд ли забылся бы»,— добавляла она (*Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине*, с. 113). Сам Плеханов долгое время, по его собственным словам, хранил ленинское письмо и вспоминал позже, что «отклонил лестное пред-

ния Плеханов объявил всю тактику РСДРП начиная с 17 октября 1905 г. сплошной ошибкой, заявив, что не нужно было браться за оружие¹⁰⁵. Он обвинял социал-демократов, в первую очередь большевиков, в том, что они не закрепили октябрьской победы, не оценили значения организационной работы в пролетарской среде и не обеспечили единства действий революционных и оппозиционных сил. Исходя из этого, Плеханов призывал не форсировать событий и «притормозить» революцию¹⁰⁶. Одновременно он выступил с критикой большевистской тактики бойкота выборов в I Государственную думу.

На этой основе быстро пошел процесс нового сближения Плеханова с меньшевиками и меньшевиков с Плехановым. Незадолго до IV съезда РСДРП в Москве и Петербурге образовались две группы «плехановцев», которые считали его наиболее дальновзорким политиком¹⁰⁷. Сам Плеханов с удовлетворением отмечал в письме к Л. И. Аксельрод (май 1906 г.), что на объединительном съезде в Стокгольме он убедился в значительном влиянии своего «Дневника» на меньшевиков¹⁰⁸, а накануне открытия съезда группа меньшевистских делегатов обратилась к Плеханову со специальным письмом, в котором называла его и Аксельрода «основателями и самыми видными идейными вождями РСДРП» и просила обязательно прибыть на съезд¹⁰⁹.

ложение принять руководящее участие в работе товарищей большевиков...» (*Плеханов Г. В. Соч.*, т. 19, с. 388). Свообразным ответом на письмо Ленина стала плехановская заметка «Новая жизнь» в третьем, ноябрьском, номере «Дневника», где говорилось, что в новой большевистской газете Ленин сотрудничает уже не только с эмпириомонистами, но и с декадентами (намек на группу буржуазных литераторов типа Н. Минского, участвовавших в «Новой жизни») (см.: *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 13, с. 358). В ответе Плеханову В. В. Воровский отметил, что сам он сотрудничает в журнале «Правда», где печатаются трагедии итальянского декадента Д' Анунцио и статьи эмпириомонистов. См.: *Пролетарий*, 1905, 25 (12) ноября.

¹⁰⁵ *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 15, с. 12. См. также: Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 56. 3, л. 1.

¹⁰⁶ *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 15, с. 12; см. также с. 99, 100.

¹⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, перлюстр. оп. 265, д. 63, л. 81.

¹⁰⁸ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 8. 150, л. 2. А. М. Коллонтай также сообщала Плеханову, что его «Дневник» читают и часто цитируют, хотя есть и голоса «несогласных» (см.: Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 220. 4, л. 2).

¹⁰⁹ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 484. 43, л. 1.

Несмотря на то что Плеханов присутствовал на IV съезде РСДРП лишь как «приглашенный»¹¹⁰ и не вошел ни в избранный в Стокгольме новый ЦК, ни в редакцию ЦО, он уже выступал в это время, по словам Ленина, как настоящий идейный вождь меньшевиков¹¹¹. (К. Е. Ворошилов, являвшийся делегатом IV съезда РСДРП, вспоминал, что Плеханов был своеобразным центром притяжения для всех открытых и скрытых оппортунистов¹¹²).

Еще до прибытия в Стокгольм (Плеханов опоздал к началу работы съезда) он был выбран в состав его бюро, хотя из-за болезни и не председательствовал ни на одном пленарном заседании. Тем не менее Плеханов весьма активно участвовал в работе комиссии по аграрному вопросу, выступал с докладом по этому пункту повестки дня¹¹³ и с заключительным словом, дважды брал слово в прениях по аграрному вопросу, выступал по вопросам о Государственной думе и вооруженном восстании. Он входил в состав комиссий по подготовке резолюций съезда об отношении к крестьянскому движению, по аграрному вопросу, о Государственной думе и вооруженном восстании. Наконец, по просьбе меньшевиков Плеханов произнес заключительное слово перед закрытием съезда. В протоколах съезда имя его упоминается свыше 200 раз. На съезде Плеханов был избран представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро¹¹⁴.

¹¹⁰ Эта категория участников (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. П. Акимов, участник I съезда РСДРП П. А. Тучапский) была специально выделена из группы гостей.

¹¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 44.

¹¹² Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни, М., 1968, кн. 1, с. 251.

¹¹³ Как вспоминал делегат съезда меньшевик В. О. Левицкий (Цедербаум), доклад Плеханова произвел большое впечатление на меньшевиков. «Многие делегаты, до того времени колебавшиеся и не убежденные содержательным, но сухим и вяло произнесенным докладом Маслова, после выступления Плеханова приняли муниципализацию земли как единственно мыслимое разрешение аграрного вопроса с точки зрения меньшевистской тактики» (Архив Дома Плеханова, ед. хр. А.Д. 9.531, л. 25—26).

¹¹⁴ После того как летом 1905 г. Плеханов был дезавуирован большевиками в качестве представителя большевистской фракции в МСБ, он вообще сложил с себя полномочия члена МСБ и вновь принял их лишь в январе 1906 г., когда с просьбой об этом обратился к нему Объединенный ЦК РСДРП (см.: Фило-софско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. 2, с. 407). После IV съезда РСДРП при Плеханове был создан

Однако положение Плеханова на IV съезде РСДРП уже существенно отличалось от его неизбежно прочного положения на II съезде партии. В Стокгольме против него весьма резко выступали не только В. И. Ленин, но и А. В. Луначарский, И. В. Сталин¹¹⁵, Г. А. Алексинский, А. С. Варский. Наконец, в ходе дискуссии был поистине беспрецедентный момент, когда делегаты просто не захотели слушать фактическую справку Плеханова, предложив ему подать ее в письменном виде, что он и вынужден был сделать¹¹⁶.

Плеханову пришлось прямо на съезде отбиваться от обвинений в бернштейнианстве — этой худшей форме оппортунизма. Дело в том, что незадолго до съезда в Москве вышел большевистский сборник «Текущий момент», где была опубликована статья И. И. Скворцова-Степанова с критикой третьего и четвертого номеров плехановского «Дневника»¹¹⁷. Отдавая должное огромным заслугам Плеханова — «крупной интернациональной величины, которой могли бы гордиться и не такие молодые движения, как русское», Скворцов-Степанов с горечью писал, что, «наблюдая непосредственную жизнь издали», Плеханов «подпал после четвертьвековой эмиграции под власть своего рода ошибок зрения, которые сыграли известную роль и в повороте Бернштейна, далеко уступающего тов. Плеханову». Касаясь некото-

своего рода секретариат в составе Анжелики Балабановой и И. С. Биска для информации европейских социалистов о положении в России и установления связей с зарубежными группами РСДРП.

¹¹⁵ Первые отрицательные оценки Сталиным Плеханова относятся еще к 1904 г. И. В. Сталин отмечал тогда, что Плеханов отстал от новых вопросов, что в нем говорит вражда к Ленину, что он переходит в лагерь оппортунистов (см.: Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 57, 58, 60, 61). На IV съезде РСДРП И. В. Сталин уже прямо говорил о «кадетских замашках» Плеханова. См. там же, с. 236.

¹¹⁶ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, М., 1959, с. 150.

¹¹⁷ И. И. Скворцов-Степанов вспоминал, какой внутренней борьбы стоила ему эта статья: слишком больно было за Плеханова, слишком тяжело сказать горькую истину человеку, «в котором все видели „отца“ нашей социал-демократии» (Скворцов-Степанов И. И. От революции к революции. М.; Л., 1925, с. 12). Товарищи по партии сумели убедить его в необходимости подобного выступления, мотивируя это тем, что чем авторитетнее Плеханов, тем опаснее его заблуждения и тем больше нуждаются они в опровержении.

рых хвалебных высказываний в адрес Плеханова, появившихся в русской буржуазной прессе¹¹⁸, Скворцов-Степанов писал: «Русские Брентано, Максы Лоренцы и Наумань уже стремятся сделать из „Дневника“ такое же употребление, как семь лет тому назад их друзья в Германии хотели сделать из известного выступления Бернштейна»¹¹⁹.

¹¹⁸ Буржуазная печать с восторгом встретила плехановские оценки Декабрьского вооруженного восстания и особенно его статьи против бойкота Государственной думы. «Истинно геройским» назвал выступление Плеханова кадет Фридман (Речь, 1906, 1 (14) апр.). 20 марта (2 апреля) в той же газете можно было прочитать следующее: «Если бы все „товарищи“ Г. В. Плеханова понимали то, что понимает самый выдающийся из их вождей, и если бы они так же мало, как он, „смутились похвалами либеральной буржуазии“, боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи и как сильно продвинулось бы ее разрешение! Мы можем только пожелать, чтобы на сегодняшний день это верное понимание того, что требует марксизм от своих последователей, одержало верх над пониманием шаблонным».

Кадет Штильман писал: «Неоценимой заслугой Г. В. Плеханова и других основателей группы „Освобождение труда“ является то, что они сумели... создать чуждую всякого утопизма программу действий, переносившую с самого начала центр тяжести на агитацию в пользу демократической конституции» (Речь, 1906, 20 февр. (5 марта)).

На Плеханова и его «Дневник» с удовольствием ссылались и кадет Гримм, и бывший «легальный марксист», сподвижник Струве Бердяев. «Только Плеханов, самый умный и культурный из русских социал-демократов, — писал он, — не потерял окончательно марксистской головы и взывал к марксистской совести» (Полярная звезда, 1906, № 10, с. 680). Характерно, что кадет Изгоев дал такую оценку тактики РСДРП в ноябре — декабре 1905 г., которая почти дословно повторяла соответствующие плехановские оценки: «Так называемые „тактические ошибки“ русских социал-демократов теперь ясны для всех. Злоупотребление методом всеобщей политической забастовки без ясного представления о силах и организованности пролетариата, необдуманная проповедь вооруженного восстания, побудившая предпринять в этом отношении ряд попыток, очевидно обреченных на неудачу и не имевших определенной цели, и, в-третьих, преждевременный разрыв с либеральными и радикальными „буржуазными“ партиями, как на практике (введение революционным путем 8-часового рабочего дня), так и в литературе (полемика в печати и на митингах)» (там же, с. 745).

¹¹⁹ Текущий момент. М., 1906, с. 1—2. Удивление по поводу некоторых мест плехановского «Дневника» было выражено и в помещенной в том же сборнике статье В. Головинского «Накануне объединения партии» (см. там же, с. 41). Прочитав сбор-

Естественно, Плеханов очень болезненно реагировал на эти справедливые обвинения, хотя и пытался делать вид, что все это его мало трогает. Отвечая в марте 1906 г. одному из своих корреспондентов, который откровенно указывал Плеханову, что похвалы буржуазной прессы — плохой признак для революционера, он писал: «Вы как бы упрекаете меня в том, что меня хвалит теперь „либеральная буржуазия“. Но меня несколько не смущает этот упрек, напротив, если я, несколько не изменив себе и своему миросозерцанию, получаю одобрение со стороны „либеральной“ буржуазии, то это очень хорошо в тот исторический момент, когда нам надо изолировать реакцию»¹²⁰.

Однако Плеханов был настолько задет за живое, что сам поднял этот вопрос на IV съезде партии в незапротокозированной речи по вопросу об оценке современного момента и классовых задачах пролетариата. О содержании ее мы можем судить по выступлениям на съезде В. И. Ленина и представителя СДКПиЛ А. С. Варского. По поводу сравнения его с Бернштейном Плеханов заявил: ситуация не та, поскольку Бернштейн отдал теоретическое оружие марксизма буржуазии, а он, Плеханов, «этого научного оружия не только не отдавал никому, но, наоборот, крепко держал его в руках, кадеты лобяют его только за тактику»¹²¹. Между тем в действительности, как подчеркнул одобрявший выступление Варского Ленин, «Бернштейн притуплял социальные противоречия накануне социалистической революции. Плеханов притупляет политические противоречия в разгар буржуазно-демократической революции. За это кадеты хвалят Плеханова и меньшевиков»¹²².

ник «Текущий момент», Ленин немедленно живо отреагировал на статью Скворцова-Степанова: «Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов... что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейн в свое время на руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все „прогрессивные“ буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи... которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 273).

¹²⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 63.

¹²¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, с. 231.

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 376.

После IV съезда РСДРП Плеханов уже прочно занимает положение на правом фланге меньшевизма. Он публикует ряд статей в петербургском меньшевистском органе «Курьер», выпускает три номера «Дневника» (август—сентябрь 1906 г.), активно сотрудничает в качестве автора и одного из редакторов в московском меньшевистском журнале «Современная жизнь», а с осени 1906 г. регулярно печатается в левокадетской газете «Товарищ». Ряд статей Плеханова по вопросам тактики составил два больших цикла «Писем о тактике и бестактности» и «Новых писем о тактике и бестактности», изданных, как и «Дневники», отдельными брошюрами.

Ни одна из этих новых работ не делала чести Плеханову ни как теоретику, ни как публицисту. Раздражающе назидательный тон, многочисленные повторы, отсутствие свежих, интересных мыслей и наблюдений, абстрактность многих положений и выводов — вот что характерно для работ Плеханова второго периода революции. Он свертывает знамя вооруженного восстания, восхваляет кадетскую Думу, проповедует блоки социал-демократов с кадетами и все более резко выступает против большевиков и созыва нового партийного съезда¹²³. Характерно, что если в 1905 г. Плеханов называл большевиков и меньшевиков «враждующими между собой братьями»¹²⁴, то в сентябре 1906 г. он уже писал, что между ними, подобно глубочайшему рву, лежат серьезные тактические и даже программные разногласия и новый раскол РСДРП был бы в этих условиях даже выгоднее слишком дорого стоящего «единства»¹²⁵. Правда, после роспуска I Думы, летом 1906 г., Плеханов снова на время «левет»: он критикует Выборгский манифест с призывом к пассивному сопротивлению царским властям, пропагандирует лозунг Учредительного собрания. Однако вскоре Плеханов опять уходит вправо, предлагая кадетам политический союз на почве совместной борьбы за «полновластную Думу».

Весной 1907 г. Плеханов участвовал в работе V съезда РСДРП в качестве делегата от Тифлисской организа-

¹²³ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 327.

¹²⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 305.

¹²⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 325, 326. См. также: Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 82. 2, л. 1; А. 86. 3, л. 4, 5.

ции¹²⁶. По поручению ЦК РСДРП он открыл съезд, призвав делегатов «без гнева и пристрастия» рассмотреть спорные вопросы, решение которых облегчается тем, что в партии «почти совсем нет ревизионистов»¹²⁷ (Ленин сразу же откликнулся на это заявление, заметив: «Плеханов говорил... что оппортунизм в российской социал-демократии слаб.— Пожалуй, если считать слабыми произведения самого Плеханова!»¹²⁸).

При выборах президиума съезда Плеханов получил лишь 120 голосов (Ленин — 144, Дан — 143 и т. д.) и не вошел в состав руководящего органа партийного форума. В ходе обсуждения повестки дня он поддержал предложение меньшевиков исключить из нее наиболее острые теоретические вопросы, дабы «не посорить» объединившиеся год назад фракции большевиков и меньшевиков. «То, что вы называете выработкой теории,— обращался Плеханов к большевикам,— уподобило бы нас английскому парламенту XVII века, выработывавшему и принимавшему большинством голосов английский... молитвенник. Политическая партия такими делами заниматься не может». Плеханов даже позволил себе сравнить обсуждение теоретических вопросов на съезде с бесполезными спорами средневековых схоластов о том, сколько ангелов может поместиться на булавочном острие¹²⁹. Таким образом, он явно принижал роль партийных съездов в идейной жизни РСДРП, призывая по существу к уходу от обсуждения крупных политических проблем, лежавших в основе разногласий между большевиками и меньшевиками.

Плеханов выступил также с большой речью по отчету думской фракции РСДРП, в которой старался как-то оправдать оппортунистические ошибки меньшевистских депутатов, принял участие в обсуждении вопросов об отношении к буржуазным партиям и о «рабочем съезде». Внешне это были яркие, нередко остроумные выступления, но весь ораторский талант Плеханова не мог уже скрыть ущербности их содержания. Как вспоминал большевик К. Д. Гандурин, среди меньшевиков Плеханов казался наиболее рассудочным и «остывшим», а в

¹²⁶ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В. 165. 14, л. 1; В. 281. 28, л. 1.

¹²⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 377.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 314.

¹²⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 378—379.

его речах совсем не чувствовалось живого дыхания революции¹³⁰. Большевистских делегатов коробили барские манеры Плеханова, его привычка прерывать выступающих язвительными репликами и т. п.¹³¹

Ко времени Лондонского съезда партии относятся первые встречи Плеханова с А. М. Горьким¹³², воспоминания о которых вошли затем в блестящий горьковский очерк о Ленине. Как живой встает с его страниц Плеханов, похожий на строгого протестантского пастора, утомленный своими обязанностями «учителя», уверенный в том, что драгоценно не только каждое его слово, но даже пауза между словами. Именно здесь, в Лондоне, в перерыве между заседаниями съезда сами рабочие очень точно и метко определили главное различие между Лениным и Плехановым: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш»¹³³.

Вместе с тем для позиции Плеханова на V съезде РСДРП был характерен и один важный позитивный

¹³⁰ Пролетарская революция, 1922, № 6, с. 54.

¹³¹ Попов И. В. Указ. соч., с. 174.

¹³² Свои впечатления о встрече с Плехановым Горький изложил в письме Е. П. Пешковой от 20 мая 1907 г.: «Наши старички Плеханов, Аксельрод и иже с ними оставили во мне жалкое впечатление людей ослепленных, ошеломленных жизнью. Полубольные, они раздражаются по каждому ничтожному поводу, у них много честолюбия и не чувствуется силы. Их жалко, да, но как это приятно видеть, что жизнь уже отодвигает прочь, в сторону людей, которые еще вчера были далеко впереди многих» (Архив А. М. Горького. М., 1966, т. 9, с. 28—29). Плеханов в письме к жене, наоборот, охарактеризовал Горького как очень интересного человека, с которым он имел довольно продолжительную беседу (см.: Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973, с. 94). Затем Плеханов посетил вместе с Горьким мастерскую английского художника — автора иллюстраций к пьесе «На дне» и выступал в ходе беседы в роли переводчика (см. там же). Заметим, что плехановские оценки творчества Горького далеко не однозначны. Плеханов признавал большой талант писателя, но его коробила „грубость литературной формы“ и „романтика босячества“, которой увлекался молодой Горький (см. воспоминания Л. И. Аксельрод в журн.: Под знаменем марксизма, 1922, № 5/6, с. 16). Плеханов дал высокую оценку пьесе «Враги» (см.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. 5, с. 509, 510, 527), но в отличие от Ленина совершенно не понял значения горьковской «Матери», назвав ее из рук вон слабым, фальшивым произведением (ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 139).

¹³³ Воспоминания о В. И. Ленине: В 5-ти т. 2-е изд. М., 1979, т. 2, с. 249; см. также с. 246.

птрих: его выступление против нарождавшегося тогда в меньшевистской среде ликвидаторства¹³⁴.

Если попытаться теперь дать какую-то итоговую оценку деятельности Плеханова в годы первой российской революции и определить его место в социал-демократическом движении и в той острейшей идейной борьбе, которая шла тогда между большевиками и меньшевиками, то можно с полным основанием сказать, что в целом он, бесспорно, принадлежал в 1905—1907 гг. к меньшевистскому лагерю. То, что роднило его с меньшевизмом, было в конечном счете сильнее отдельных разногласий и личных трений между Плехановым и другими меньшевистскими лидерами. Сам Плеханов претендовал на роль теоретика, стоящего выше обеих борющихся течений в РСДРП и олицетворяющего марксистскую ортодоксию в ее наиболее чистом, свободном от всяких чужеродных примесей виде. Однако очень показательны, что в самые важные, решающие моменты революции Плеханов активно и убежденно выступал на стороне меньшевиков, поддерживал их своим авторитетом на международной арене и на партийных съездах. Критика Плехановым отдельных положений меньшевистской платформы носила сугубо «домашний», дружеский характер, тогда как его выступления против большевиков и лично против Ленина обнаруживали в нем принципиального противника стратегии и тактики большевизма, поражая своей необъективностью, а часто и неприкрытой демагогичностью.

Тем не менее на протяжении всех лет революции Плеханов занимал среди меньшевиков «особую позицию», а в организационном отношении действительно оставался, по крайней мере с июня 1905 г. до весны 1906 г.¹³⁵, вне меньшевистских рядов. По словам Ленина, «Плеханов занимал особую позицию, много раз отходя от меньшевизма: 1) на съезде 1903 г. Плеханов боролся с оппортунизмом меньшевиков; 2) после съезда Плеханов редактировал №№ 46—51 „Искры“, тоже против меньшевиков; 3) в 1904 г. Плеханов защищал аксельродовский план земской кампании таким образом,

¹³⁴ Подробнее об этом см. в гл. VIII наст. изд.

¹³⁵ Отметим, что Мартов неправомерно отодвигал новое сближение Плеханова с меньшевизмом до середины 1906 г. См.: Мартов Л. История российской социал-демократии. 2-е изд. М.; Пг., 1923, с. 109.

что обходил молчанием как раз главные ошибки его; 4) в 1905 г. весной Плеханов ушел от меньшевиков; 5) в 1906 г. после разгона I Думы Плеханов занял совсем не меньшевистскую позицию...; 6) на Лондонском съезде 1907 г., — как рассказывает Череванин, Плеханов боролся с „организационным анархизмом“ меньшевиков»¹³⁶.

В другой работе Ленин писал: «...с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 „Искры“) — за мир с „оппортунистами“ — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков, — за „единство“ „враждующих братьев“; 5) 1905, с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за „организационный анархизм“...»¹³⁷.

Действительно, отношения между Плехановым и меньшевиками складывались достаточно сложно и неровно. Бесспорно, Плеханов, Аксельрод, а вместе с ними и такие деятели II Интернационала, как Каутский, Гед, Адлер и другие, были настоящими духовными отцами меньшевизма, взявшего, кстати сказать, наиболее слабые, ущербные, с точки зрения революционного марксизма, стороны их взглядов. Так, меньшевики, органически чуждые плехановскому «якобинству», охотно заимствовали ту часть его доктрины, которая была связана с издержками преодоления Плехановым народнических теорий и с канонизацией им западноевропейского варианта буржуазных революций периода доминирующего капитализма. Граничащая с фатализмом фетишизация объективной стороны исторического процесса, серьезная путаница в таких понятиях, как «буржуазная демократия» и «буржуазная революционность», явное умаление революционного потенциала угнетенных классов — все эти характерные черты плехановской концепции революции стали неотъемлемой составной частью меньшевистской идеологии. Безоговорочно взяли меньшевики на вооружение и тезис Плеханова о неизбежном длительном разрыве между буржуазными и социалистическими революциями.

¹³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 133.

¹³⁷ Там же, с. 222.

В то же время, при несомненной общности взглядов Плеханова и меньшевиков на коренные проблемы российской действительности, их позиции по многим конкретным вопросам очень часто не совпадали. В ряде случаев центральные меньшевистские инстанции, не говоря уже о меньшевиках-практиках, вынужденных так или иначе считаться с настроениями пролетарских масс в России, пытались найти компромисс между абстрактными плехановскими схемами и реальной жизнью и уходили поэтому «влево» от Плеханова. Так, они не осмелились сразу и целиком присоединиться к его печально знаменитой формуле осуждения Декабрьского вооруженного восстания, встали на путь «полубойкота» I Думы, робко отмежевываясь от призыва Плеханова к союзу с кадетами на выборах во II Думу. С другой стороны, те же меньшевики оказывались намного «правее» Плеханова в некоторых партийно-организационных вопросах («рабочий съезд», отношение к нелегальным социал-демократическим организациям и к партийной дисциплине).

Плеханова, получившего в молодости хорошую закалку в подпольных народнических организациях и активно участвовавшего затем в создании революционной российской социал-демократии на организационных основах, выработанных ленинской «Искрой», не могли не смущать, а порой и отталкивать слепое преклонение меньшевиков перед стихийностью рабочего движения, их организационная расплывчатость, переоценка легальных возможностей, открывшихся перед пролетариатом в 1905 г., а также типичные для меньшевизма политическая дряблость, прожектерство, импрессионизм. Что касается ликвидаторства, т. е. меньшевизма, доведенного в условиях столыпинской реакции до своего логического конца, то оно вызывало у Плеханова искреннее возмущение и открытое осуждение. Однако «бунт» против отдельных меньшевистских руководителей и ликвидаторства никогда — и в этом была своя закономерность — не переходил у Плеханова в осуждение меньшевизма как такового, а «революционный меньшевизм», к которому он причислял себя и своих единомышленников, неизменно оставался в его глазах ортодоксальным русским марксизмом.

Переход Плеханова на позиции меньшевизма был *внутренне* подготовлен задолго до 1903 г. теми отступле-

ниями от взглядов Маркса и Энгельса и теми элементами догматизма, которые проявились в его воззрениях еще в 80-е годы XIX в. Вместе с тем новое меньшевистское окружение совершенно сознательно разжигало и культивировало отрицательные черты Плеханова как человека и мыслителя, паразитировало на его слабостях, лишало животворной связи с рабочим классом. И хотя Плеханов сохранял относительную независимость от меньшевистских эмигрантских кружков и имел достаточно характера, чтобы идти против течения, совершенно очевидно, что меньшевизм сыграл в его личной судьбе трагическую, роковую роль. Он был не только в значительной степени детищем Плеханова, но и его «злым гением», порвать с которым Плеханов, однако, уже никогда не мог, да, видимо, и не хотел.

В период революции 1905—1907 гг. в меньшевизме наметились три основных течения: правое (Аксельрод, Череванин, Потресов), «центр» (Мартов, Мартынов, Дан) и левое (Троцкий, Парвус). Это деление сохранялось на протяжении всей революции, и лишь в самом конце 1905 г. произошло кратковременное соединение «центра» и «левых» под идейным знаменем троцкизма. Что касается позиции Плеханова, то было бы довольно трудно, особенно в 1905 г., безоговорочно отождествить ее с платформой того или иного направления меньшевизма, хотя в общем и целом она все же уместалась в рамках меньшевистской концепции русской революции.

На рубеже 1905—1906 гг. Плеханов резко поворачивает вправо, значительно обгоняя в своем попятном движении других руководящих деятелей меньшевизма и буквально на глазах превращаясь в «кадетообразного меньшевика». Не будет преувеличением сказать, что многие выводы Плеханова, сделанные в период отступления революции, стали затем основой идейной платформы наиболее махрового оппортунистического течения — ликвидаторства, хотя сам Плеханов активно боролся против ликвидаторов за сохранение нелегальной пролетарской партии, возглавив немногочисленную группу «меньшевиков-партийцев».

В целом же его позиция в период первой российской революции носила оппортунистический характер, что нашло яркое проявление и в плехановской трактовке ее характера, движущих сил и перспектив развития, и в тактической линии Плеханова.